

паміж добром і злом. На гэта звяртае ўвагу і паэт В. Жуковіч, які падкрэсліў, што «феномен гэтага творцы – у тым, што ўся яго творчасць скіравана на выхаванне ў душах людскіх любові да ўсяго жывога, здольнасці спачуваць (сострадать) слабому і пакрыўджанаму, здольнасці абараніць добро перад злом» [5, с. 7]. Тое самае тычыцца і творчасці А. Дударова. Біблейскія алюзіі драмы «Радавыя» з’яўляюцца адной з дамінантных адметнасцей вобразнай структуры п’есы. Яны пашыраюць магчымасці раскрыцця духоўна-псіхалагічных асаблівасцей характару, а таксама садзейнічаюць больш глыбокаму выяўленню асноўнай мастацкай ідэі твора, якая заключаецца ў сцвярджэнні агульначалавечых маральных каштоўнасцей.

Літаратура

1. Аўдоніна, Т. В. За веру і Айчыну: да праблемы “армія – вера – здрада” (па п’есах “Радавыя” А. Дударова і “Пеўчыя сорок першага года” Г. Марчука) / Т. В. Аўдоніна // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2006. – №1 (34). – С. 10 – 14.
2. Аўдоніна Т. В. ...Калі рэлігія была “опіумам для народа”...(тэма святарства ў драме Г. Марчука “Пеўчыя сорок першага года”) / Т. В. Аўдоніна // Культура праз призму духоўнасці: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай XV Міжнароднаму фестывалю духоўнай музыкі “Магутны Божа” / Уклад. Яшмецеў А. В., Сердзюкоў А. В. – Магілёў: УК “Магілёўскі АМЦ НТ і КАР”, 2007. – С. 95 – 105.
3. Біблія. Кнігі Святога Пісання Старога і Новага Заветаў / навук. рэдагаванне пераклада Ж. Некрашэвіч-Кароткая, Дж. Элволд. – Мінск: Біблейскае таварыства ў РБ, 2012. – 1120 с.
4. Дудароў, А. Князь Вітаўт: п’есы / А. Дудароў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2005. – 318 с.
5. Жуковіч, В. Лад і ўлада мастацкага слова: Да 50-х угодкаў Георгія Марчука / В. Жуковіч // Настаўніцкая газета. – 1996. – 21 снежня. – С. 7.
6. Ильин, И. А. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 6: Кн. 1 / И. А. Ильин / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1996. – 560 с.
7. Караткоў, М. Праўда боская і людская. Ідэйна-вобразная сістэма драмы «Радавыя» А. Дударова / М. Караткоў // Роднае слова. – 2009. – № 4. – С. 26 – 30.
8. Конан, У. Біблейскія і хрысціянскія матывы ў беларускай літаратурнай традыцыі / У. Конан // Наша вера. – 1999. – № 4. – С. 14 – 22.
9. Марчук, Г. В. Пеўчыя 41 года / Г. В. Марчук // Польшча. – 2010. – № 6. – С. 3–35.
10. Тварановіч, Г. П. Беларуская літаратура: паўднёваславянскі кантэкст: (Адзінства генезісу, тыпаў літаратур і характар узаемазвязей) / Г. П. Тварановіч. – Мінск: Беларуская навука, 1996. – 275 с.

УДК 821.161.3(=161.1)-145

Г. Л. Казимирский

Философская лирика в русскоязычной поэзии Беларуси (на примере творчества А. Ю. Аврутина и И. М. Котлярова)

В статье рассматриваются особенности творчества русскоязычных поэтов Беларуси А. Аврутина и И. Котлярова в контексте философской традиции. Поднимается проблема замалчивания творчества белорусских поэтов, пишущих на русском языке. Автор статьи приходит к выводу, что А. Аврутин и И. Котляров – мастера сложившиеся, зрелые, само-бытные. Поэзия А. Аврутина жанрово и тематически разнообразна, информационно насыщена, в его поэтике соединяются разные направления литературы Серебряного века: символизм, натурализм, акмеизм, футуризм, реализм. Творчество И. Котлярова заслуживает самого тщательного и всестороннего изучения, поскольку то, о чём он пишет, не подлежит никаким временным и прочим корректировкам: с точки зрения автора статьи, ни одному современному белорусскому поэту не удалось раскрыть тему Вечности так глубоко и психологически тонко, как этот поэт.

Под термином русскоязычная поэзия Беларуси традиционно понимается творчество писателей, живущих в Беларуси или считающих себя белорусами, но пишущих на русском языке. Это сложный и неоднозначный культурный феномен, научное изучение которого

только начинается. Так, среди литературоведов идут споры о том, что считать точкой отсчёта в развитии русской литературы Беларуси. Некоторые исследователи утверждают, что первым русскоязычным писателем Беларуси был Симеон Полоцкий. Также к русской литературе Беларуси относят творчество поэта-декадента Николая Минского, который стал одним из вождей русского символизма [1, с. 36]. Другие исследователи настаивают на том, что о существовании феномена русской литературы Беларуси можно говорить только после распада СССР, поскольку всё то, что было до этого, втягивалось в русское, русскоязычное культурное пространство, и белорусской литературой считалась только литература на белорусском языке. Когда наша республика получила независимость, произошел всплеск национального самосознания, вследствие чего активизировалась идея возрождения белорусского языка, и творчество русскоязычных писателей Беларуси отошло на второй план.

По сей день безоговорочный приоритет в книгоиздательстве, СМИ, литературоведческих исследованиях отдаётся белорусской литературе, а о русскоязычной незаслуженно забывают. Но нельзя не учитывать, что Беларусь считается страной с развитым билингвизмом. Культура Беларуси, так долго находившаяся под влиянием российской культуры, не смогла избежать огромного влияния со стороны этого государства. Во время существования СССР большая часть белорусов разговаривала на русском языке, и сегодня, уже в суверенном Белорусском государстве, эта тенденция сохраняется. Авторы «Нарысаў гісторыі Беларусі» акцентируют внимание читателей на том факте, что «на протяжении десятилетий проходил процесс активной русификации белорусской культуры» [2, с. 466]. Однако, по мнению И. Ф. Протченко, «процесс взаимодействия русского языка с другими языками – это процесс двуединый, так как имеет место не только влияние русского языка на национальные языки, но и обратное влияние последних на русский язык» [3, с.15].

Можно утверждать, что жизнь на белорусской земле не может не оказывать влияние на восприятие людей, творящих на русском языке. В антологии к сборнику «Современная русская поэзия Беларуси» А. Ю. Аврутин утверждает, что «традиции белорусской поэзии влияют на стиль и мироощущение русскоязычных поэтов, живущих в Беларуси. Это особая мягкость и чувствительность, способность к сопереживанию и сочувствию. Может быть, чуть большая открытость миру, доверчивость и наивность, способность удивляться, стремление к конкретности в выражении своих чувств, приверженность к классическому стиху» [4, с. 16].

На протяжении многих столетий философская лирика остается одной из наиболее глубоких жанровых форм в литературе. Будучи выразительным родом литературы, лирика способна передавать внутренние переживания человека с помощью сюжетного движения внутренней мысли автора, его эмоционального «я». Отсюда, на наш взгляд, и неизменное тяготение современных поэтов к тематике, основанной на размышлениях о смысле человеческой жизни. Среди жанровых разновидностей философской лирики выделяются медитация, стансы, элегия и др.

Вряд ли найдётся поэт, который бы не попробовал свои силы в философской теме. Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Фет, Есенин и Блок оставили своим потомкам прекрасные стихи, завораживающие и строем, и рифмой, и глубиной проникновения в эмоциональную сферу восприятия Вселенной. Они задумывались о Горнем – и писали о Божественном Провидении; она размышляли о бренности и кратковременности жизни человека на земле – и воспевали «боли души, которая устала и спит в гробу усталости своей» (Минский), призывали смерть: «О, смерть, я твой, повсюду вижу одну тебя и ненавижу очарование земли» (Сологуб). Действительно, каким бы ни родился человек, как бы он ни жил, рано или поздно время, отпущенное ему на этой земле, подойдет к концу и ему придётся ответить на вопросы: зачем я жил? все ли я успел? в чём был смысл моей жизни? вспомнят ли обо мне потомки через год, десять лет, пятьдесят?.. Этих откровений перед самим собой не избежать никому: об этом думает юноша, когда ищет своё предназначение в жизни, об этом вспомнит мужчина, задумавшись о том, правильной ли дорогой он идёт. А более всех философствовать свойственно пожилым людям, которые, оглядываясь на прожитую жизнь, дают ей оценку, подводят некие итоги.

Философская лирика Анатолия Аврутина и Изяслава Котлярова располагает читателя к размышлениям о предназначении человека на земле, о смысле жизни и её скоротечности.

Произведения А. Аврутина наполнены тревожными раздумьями над быстротечностью бытия, сомнениями в правильности когда-то выбранного жизненного пути. В его лирике часто появляются вопросы: что есть истина и куда мы идём? Показательным считается тот факт, что, например, для стихотворения «**Поверуй... Вспомни... Усомнись...**» Анатолий Аврутин использует четырёхстопный амфибрахий (трёхсложный метр античного стихосложения) с утяжелёнными стопами – бакхием (*по/вторЯть*: «*КтО/ мы...*») и антибакхием (*/чьИ тЕ-ни/*). Дело в том, что амфибрахические стопы используются, как правило, для выражения разнообразных мыслей и чувств и как нельзя более подходят для медитативных разновидностей философского жанра лирики:

И стану сквозь боль повторять: «Кто мы будем?
Чьи тени беспечно шагают по краю?»
Пою о смертельном, но не умираю...
Кто мы? [4, с.18].

В стихотворении «**Полусвет... Моя тень на стене**» лирический герой спокойно, как должное воспринимает утрату юности, свежести, радости жизни; он осознаёт бренность своего земного существования и неизбежность ухода как непрременный принцип смены поколений. Эти настроения ощущаются и в стихотворении «**Хриплый домик на вишнёвом зное...**», лирическому герою которого на склоне лет уже ничего «*не жаждет*», и он живёт, не показывая окружающим свою печаль о том, что «*между пальцев сыплется песок*», т.е. жизнь уходит стремительно и безвозвратно.

В философской лирике А. Аврутина прослеживаются два любимых им образа-символа – «*небеса*» и «*вода*». Причём не небо, а именно небеса как символ вечности и недостижимости желаний лирического героя. Вода – «*озёра*», «*речка*», «*окоёмы*», «*океан*», «*голубые глаза воды*» – это символ изменчивости жизни, скоротечности бытия и одновременно отражение чистых помыслов о «*небесах*» – духовной Отчизне человека. Вода помогает лирическому герою, испытавшему горечь разочарования в любви, очистить душу от «*неправоты*» посреди «*снегопада дней*», утопив «*чёрные слёзы*» в «*голубых глазах воды*».

В творчестве Изяслава Котлярова прослеживаются те же темы, и лирического героя мучат похожие вопросы. Но вряд ли кто-нибудь из современных поэтов посвятил теме ухода из жизни большее количество стихотворений, чем Изяслав Котляров. Страх смерти, её ожидание, смирение в поэзии Котлярова на редкость многогранны. Он постоянно смотрит на уход из жизни под разными углами зрения, сквозь призму многочисленных воспоминаний и ассоциаций. Он то представляет вечную жизнь в райских садах, то, предчувствуя смерть, боится чего-то не успеть в этой жизни и просит у Бога отсрочки, желая пожить ещё немного:

Ни в чох, ни в сон, ни в птичий грай
Не верит смертная усталость...
Господь, коль можешь, не лишай
Хотя б того, что мне осталось.
Хотя бы то, что есть, оставь,
Не отнимай во мне дыханья... [5, с.15].

В стихотворении «**А когда сам из себя я вышел...**» Котляров представляет себе мир инобытия как безграничный мир, в котором человек растворяется, и нет уже ни плоти, ни боли – только Вселенная, частью которой он становится, и неизбывная, щемящая тоска по земному бытию, пусть трудному и несчастливому, но бытию, в котором есть ощущения и эмоции:

В небесах вдруг я стал небесами,
целым небом стал я и ничем –
над собою бывшим и над вами –
да, бесплотен, да и слеп, и нем.
Мне б воскреснуть иль хотя проснуться
в том домашнем, памятном тепле.
Мне б хотя бы взглядом прикоснуться
к навсегда покинутой земле... [5, с. 16].

Философская лирика часто сочетается с пейзажной, поскольку природа метафорична и способна наилучшим образом передавать чувства человека, его психологическое состояние. Так, пейзажная лирика позволяет авторам представить читателю нечто большее, чем простое описание объектов или явлений природы, – реальные образы в символах-иносказаниях. Стихотворение Аврутина «Швырнули речке в душу камень...» как раз и сочетает в себе две тематические разновидности – философию на фоне пейзажа. На первый взгляд здесь всё просто и понятно: в тихую, спокойную гладь реки «*просто, не со зла*» швырнули камень – и заволновалась «*кругами*» зеркало воды, потом успокоилось, но камень остался лежать на дне. Так и с человеком: его обидит кто-нибудь, бросит, как камень, злое слово – и пойдут кругами в разные стороны размолвки, злоречие, проклятия. Человек успокоится со временем, боль утихнет, обида почти угаснет, но в душе, где-то в самом укромном её уголке, останется тот «камень» – воспоминание о причинённом зле. Многоточия как эмоциональная недосказанность в последних двух строках стихотворения помогают понять степень эмоциональной тревожности поэта.

В лирике Изяслава Котлярова излюбленным образом-символом является снег. Трудно в полном объёме оценить все эмоции, которые автор стремится донести до читателя при помощи многочисленных снежных образов, но абсолютно ясно, что его цель не сводится к простому любованию этим привычным для нас и всегда удивительным природным явлением. Даже при написании пейзажных зарисовок автору удаётся свести главный смысл повествования к сюжету о вечности и к размышлениям о скором прекращении своего бытия. Можно сделать вывод о том, что снег ассоциируется у автора с чистотой потустороннего мира, а зимний свет используется в контексте холода вечности («**Окно хотя б раззанавесь...**»). Ямбический ритм придаёт стихотворению ощущение света:

Уже в квартире – зимний свет
каких-то очень давних лет,
оставшийся от мамы
в стекле все той же рамы. [5, с. 37].

Движением пера Изяслав Котляров вдруг погружает мир в снежную заметь, где всё становится снегом – и воздух, и земля, и небо, и само время, которое практически останавливается. И психологическое состояние своего лирического героя автор часто отождествляет с зимой:

Я того, наверное, не стою,
чтоб дышать морозной чистотою.
Вот уже весь инеем покрыт,
Прошлым да и будущим забыт... [5, с. 11].

Здесь внутренний образ неожиданно облечён в игривые формы хореической стопы (стихотворение написано облегчённым пятистопным хореем): поэт говорит о серьёзных вещах, как бы подтрунивая над собой.

Лирический герой И. Котлярова пытается разглядеть в снежной дали конец своей зимы: «*Мне страшно февраля, он возраст мой позорно выявляет*», и это заставляет его дорожить каждым прожитым днём, каждой минутой земной жизни, дарованной ему свыше, ибо он уверен: «*Что жизнью я скажу, то смертью не поправить*». Лирика Изяслава Котлярова, без сомнения, является жемчужиной русскоязычной поэзии Беларуси; она задевает самые чувствительные струны души, будоражит совесть. Есть стихи, родственные звукам природы: шуму дождя, безмолвию снегопада, порывам ветра. «Сделать» такие стихи невозможно, их можно только выдохнуть, и они естественны и гармоничны и по звуку, и по ритму, и по смыслу. Подделка здесь невозможна, как невозможна фальшивая нота в тишине леса. Именно такое ощущение возникает при чтении стихотворений Изяслава Котлярова.

Так, мы рассмотрели только незначительную часть поэтического творчества двух замечательных поэтов Беларуси, пишущих по-русски и думающих по-Вселенски. Анатолий Аврутин и Изяслав Котляров – мастера сложившиеся, зрелые, самобытные, владеющие русским Словом и виртуозно играющие им. Пожалуй, они – одни из лучших русскоязычных поэтов современной Беларуси. Поэзия Анатолия Аврутина самобытна, жанрово и тематически

разнообразна, інформацыйна насыщенная. Стихи поэта свидетельствуют о широте творческого диапазона. В стихотворениях Аврутина вполне естественно соединяются разные поэтические традиции – символизм, натурализм, акмеизм, футуризм, реализм. Это человек огромной книжной культуры, унаследовавший опыт поэтов Серебряного века. Пожалуй, ни одному современному белорусскому поэту не удалось раскрыть тему Вечности так глубоко и психологически тонко, как это сделал Илья Котляров. Именно поэтому его творчество заслуживает самого тщательного и всестороннего изучения, поскольку то, о чём он пишет, – жизненно и вечно и не подлежит никаким временным и прочим корректировкам.

Поэты не получили пока признания официальной критики, что, собственно, и не удивительно, потому что лавры обычно достаются посмертно. Нежелание литературоведов замечать этих поэтов можно объяснить двумя причинами: 1) сознательное замалчивание творчества талантливых литераторов как конкурентов общепризнанным авторитетам; 2) предвзятое отношение белорусской критики к русскоязычной литературе Беларуси. Кстати, об этой проблеме языковой избирательности никто не сказал лучше, чем сам Анатолий Аврутин: «Грустно, что на первый план вышла проблема языка. Как-то забывается, что язык – всего лишь инструмент для настоящего художника. Неужели не понятно, что Беларусь – многонациональная страна и, развивая лишь одну ветвь культуры, мы делаем её похожей на кисть руки, где ампутированы все пальцы, кроме одного – дабы не мешали» [6, с. 22].

Літаратура

1. Куклин, Л. Всё на русском языке... / Л. Куклин // Нева. – 2003. – № 2.
2. Нарысы гісторыі Беларусі: в 2 ч. Ч.2. / М. П. Касцюк, Г. М. Ігнаценка, У. І. Вышыньскі [і інш.] – Мн. : Беларусь, 1995. – 560 с.
3. Протченко, И. Ф. Русский язык : проблемы изучения и развития / И. Ф. Протченко // М. : Педагогика, 1984. – 222 с.
4. Аврутин, А. Поэтическая страница... / А. Аврутин // Наша словесность. – 2005. – № 9.
5. Котляров, И. Г. Принял я крещение от клёна / И. Г. Котляров // Мн.: Маст. літ., 2009. – 209 с.
6. Артюх, В. «Как всё просто!» / В. Артюх // Московский литератор. – 2009. – № 24.

УДК 392.51:398.8(476)-058.862:165.642

А. А. Кастрыца

Асаблівасці псіхалагізму ў сірочых вясельных песнях беларусаў

У артыкуле разглядаюцца асноўныя спосабы адлюстравання ўнутранага свету персанажа ў сірочых вясельных песнях беларусаў. Аўтар артыкула прыходзіць да высновы, што менавіта эмоцыі і пачуцці – трывога і смутак, распач і боль, пакінутасць і адзінота, бездапаможнасць і безвыходнасць, спадзяванне і спачуванне – абумовілі выбар сродкаў адлюстравання ўнутранага свету герояў сірочых вясельных песень і іх мастацкія асаблівасці.

Надзвычайны драматызм і глыбокая эмацыянальнасць, багатая палітра пачуццяў і перажыванняў, мар і жаданняў, разнастайнасць станаў душы і ўражальная праніклівасць ва ўнутраны свет герояў характарызуюць сірочыя вясельныя песні беларусаў (у дадзеным выпадку мы можам гаварыць пра псіхалагізм фальклорных тэкстаў), якія, варта адзначыць, «пераўзыходзяць адпаведныя песні іншых славянскіх і суседніх балтскіх народаў колькасцю сюжэтаў, варыянтнасцю, развітасцю тэкстаў» [3, с. 5].

Звернемся да асноўных спосабаў адлюстравання ўнутранага свету персанажа, якія, на думку большасці даследчыкаў можна падзяліць на адлюстраванне «знутры» і «зvonку» (прамы і ўскосны псіхалагізм): «Малюнак «знутры» ажыццяўляецца праз унутраны маналог, успаміны, уяўленне, псіхалагічны самааналіз, дыялог з самім сабой, дзённікі, лісты, сны. ...Малюнак «зvonку» – апісанне ўнутранага свету героя не непасрэдна, а праз вонкавыя сімп-